

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(1), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Нужная Т. В. Петербургский текст : идейно-художественное своеобразие романа С. Арно «Доктор Рюйш и его дети» / Т. В. Нужная // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 1. — С. 311—328. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-1-311-328.

Nuzhnaya, T. V. (2026). Petersburg Text: Ideological and Artistic Uniqueness of Sergey Arno's Novel "Doctor Ruysch and His Children". *Nauchnyi dialog*, 15 (1): 311-328. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-1-311-328. (In Russ.).

Web of Science™

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

**Петербургский текст:
идейно-художественное
своеобразие романа С. Арно
«Доктор Рюйш и его дети»**

Нужная Татьяна Владимировна

orcid.org/0000-0002-5662-1311

доктор филологических наук, доцент,
кафедра иностранных языков
в сфере экономики и права
ta_nu@mail.ru

Санкт-Петербургский
государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

**Petersburg Text:
Ideological and Artistic
Uniqueness of Sergey Arno's
Novel "Doctor Ruysch
and His Children"**

Tatyana V. Nuzhnaya

orcid.org/0000-0002-5662-1311

Doctor of Philology, Associate Professor,
Department of Foreign Languages
in Economics and Law
ta_nu@mail.ru

St. Petersburg State University
(St. Petersburg, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проведено исследование идейно-художественного своеобразия романа современного петербургского писателя Сергея Арно «Доктор Рюйш и его дети», ранее не становившегося предметом специального анализа. Произведение анализируется в контексте его принадлежности к литературному феномену «петербургского текста». Уделяется внимание понятию «петербургский текст», исследуется его история и современное состояние. Показано, что «петербургский текст» продолжает свое существование в наши дни. Отмечается, что автор романа обращается к историческим реалиям, но наполняет их новым оригинальным содержанием и сюжетными вариациями. Выявляется идейное своеобразие романа «Доктор Рюйш и его дети». Выявлено использование оригинальных принципов построения текста (прием мизанабим, метатекст). Выделены две повествовательные линии. Показано, что Арно обращается к двум историческим сюжетам: основанию Кунсткамеры как ярчайшему петербургскому культурному факту и загадочной голландской истории жизни ученого-анатома Фредерика Рюйша. Анализируются художественные особенности романа. Установлено, что основными комическими приемами в романе становятся черный юмор, абсурд, сатира и гротеск. Доказывается, что такое сочетание художественного вымысла с описанием современной реальности XXI века привносит в литературу новое видение истории, оригинальный подход к сюжетным мотивировкам и новую художественную ценность.

Ключевые слова:

русская литература; современная петербургская проза; идейно-художественное своеобразие; мизанабим; Сергей Арно.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study investigates the ideological and artistic uniqueness of contemporary St. Petersburg writer Sergey Arno's novel "Doctor Ruysch and His Children", which has not previously been subjected to specialized analysis. The work is examined within the context of its belonging to the literary phenomenon known as "Petersburg text." Attention is given to defining this concept, exploring its history, and assessing its current state. It is demonstrated that the "Petersburg text" continues to exist in today's literature. The author's engagement with historical realities is noted, but it is emphasized that these are imbued with new original content and narrative variations. The unique thematic features of the novel "Doctor Ruysch and His Children" are identified. Original principles of textual construction (mise-en-abyme, metatextuality) are highlighted. Two narrative strands are distinguished. The first focuses on the foundation of the Kunstkamera as a significant cultural event in St. Petersburg, while the second delves into the enigmatic Dutch life story of anatomist Frederik Ruysch. An examination of the novel's aesthetic characteristics follows. It is established that black humor, absurdity, satire, and grotesque serve as primary comic devices. These elements contribute to an innovative blend of fictional imagination and depictions of twenty-first-century reality, introducing fresh perspectives on historical narratives, unconventional approaches to plot motivations, and enhanced artistic value.

Key words:

Russian Literature; Contemporary St. Petersburg Prose; Ideological-Aesthetic Specifics; Mise-en-Abyme; Sergey Arno

Петербургский текст: идейно-художественное своеобразие романа С. Арно «Доктор Руйш и его дети»

© Нужная Т. В., 2026

1. Введение = Introduction

Исследование идейно-художественных особенностей современной литературы, отражающей ключевые проблемы и вызовы эпохи, а также выявление индивидуальных творческих методов авторов позволяют определить и охарактеризовать векторы развития гуманитарной мысли нашего времени, что обусловило актуальность изучения прозы С. Арно в настоящей статье.

Петербургская проза часто становится объектом анализа в литературоведении. Важнейшей работой, посвященной исследованию литературы Петербурга, является монография В. Н. Топорова [Топоров, 2003]. Т. К. Ермоченко в своей диссертации «Поэтика новой петербургской прозы конца XX — начала XXI веков», обращаясь к творчеству современных петербургских писателей, выявляет центральные мотивы и образы, а также место петербургской повести в литературном процессе [Ермоченко, 2008]. Этому же ученому принадлежит статья об апокалиптическом мотиве в петербургской прозе. Ю. Н. Сипко рассматривает традиции модернистской эстетики в творчестве петербургских писателей [Сипко, 2006]. Е. Н. Жаднова представила опыт выявления современных подходов к изучению проблемы петербургского текста [Жаднова, 2013]. Критик и публицист В. Кавторин исследует зарождение жанра петербургской повести в 30-е годы XX века и его дальнейшее развитие в начале нового столетия [Кавторин, 2009]. К. А. Рогова обращается к творчеству петербургского писателя Д. А. Гранина, исследуя его роман «Мой лейтенант» [Рогова, 2013].

Петербургская литература сегодня многолика и разнообразна. Ее жанровые разновидности привлекательны для исследователей. Среди популярных петербургских писателей можно назвать Сергея Арно — автора пятнадцати романов, лауреата различных премий, директора Фонда братьев Стругацких, члена Союза писателей России. Произведения С. Арно уже

привлекали внимание литературоведов [Щеглова, 2025; Нужная, 2025], однако роман «Доктор Рюйш и его дети» [2023] еще не изучался.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Цель исследования — выявление идейно-художественного своеобразия петербургского текста в романе С. Арно «Доктор Рюйш и его дети». Для достижения этой цели необходимо решить следующие задачи: прояснить понятие «петербургский текст», его историю и современное состояние; определить идейное своеобразие романа «Доктор Рюйш и его дети»; выделить и охарактеризовать способы создания комического в исследуемом романе, определяющие его художественное своеобразие.

Теоретическую базу исследования составили работы авторитетных отечественных исследователей в области исторической поэтики [Бахтин, 1975], мифопоэтики [Топоров, 1995], семиотики [Лотман, 1984], художественной образности текста [Арутюнова, 1999; Арутюнова, 1990], мифологии [Barthes, 2002], а также современные работы по русской литературе XX—XXI веков, см. монографии В. Н. Топорова [Топоров, 2003], М. М. Голубкова [Голубков, 2001], Н. Анциферова [Анциферов, 1990], статьи Т. К. Ермоченко [Ермоченко, 2008], Л. Е. Муравьевой [Муравьева, 2016] и др.

В статье используются культурно-исторический, биографический и сравнительно-сопоставительный методы, позволяющие достичь поставленных задач.

Практическая значимость заключается в возможности применения результатов исследования в подготовке рабочих программ лекционных курсов по современной русской литературе, филологическому анализу текста для высших учебных заведений или специализированных школьных программ.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Петербургский текст: история и современность

Петербургская литература исторически имела особое значение в развитии общекультурного и языкового кода России. Недаром Санкт-Петербург называют культурной столицей нашей Родины. По мнению выдающегося исследователя русской культуры Владимира Николаевича Топорова, Петербург можно рассматривать как «особый художественный текст, включающий и сам объект, и его отражения в творчестве литераторов» [Топоров, 2003, с. 5]. В. Топоров совместно с Ю. Лотманом ввели понятие «петербургский текст», в котором город определяется как модель, порождающая множество разных текстов и являющаяся особой семиотической системой. Этот тезис дал новый импульс к исследованию петербургской

литературы и систематизации имеющихся до этого знаний. Ученые выделили определенные маркеры (исторический, природный, мифологический, культурный и языковой), которые позволяют распознать петербургский текст, становящийся «сверх-текстом» для последующих поколений писателей и поэтов. Теория «петербургского текста» вызвала множество дискуссий, не прекращающихся по сей день. Некоторые исследователи полагают, что «петербургский текст» заканчивается творчеством А. Белого и А. Ахматовой. Другие считают, что «петербургский текст» первой половины XX века переходит в эмиграцию. Высказывается мнение, что «ленинградская литература», соотносительная с периодом изменения названия города с Санкт-Петербурга на Ленинград, представляет собой особую «главу» «петербургского текста», другие склонны не согласиться с таким подходом. В любом случае можно говорить о способности «петербургского текста» к некоторой трансформации, о приобретении им новых модуляций, способности модифицироваться под воздействием внешних факторов: «Выявленные исследователями новые коннотации установленных В. Топоровым элементов Петербургского текста не расшатывают, а, напротив, укрепляют теорию Петербургского текста, делая ее более гибкой, способной к трансформациям и поэтому — жизнеспособной» [Жаднова, 2013, с. 73]. Базовые маркеры «петербургского текста» остаются неизменными, что позволяет согласиться с наличием этого литературного феномена.

Мифопоэтическое пространство города многократно становилось объектом изображения, осмысления и даже самостоятельным персонажем в художественной литературе, критике и научных исследованиях. До середины XIX века длилось становление и развитие самой петербургской темы, а именно — «введение основных объектов города, как “природных”, так и “культурных”, связанных с цивилизационной деятельностью человека, в литературу» [Топоров, 2003, с. 6]. В эпоху Пушкина впервые прозвучал «отклик» России на явление Петербурга. Далее следовали Гоголь, Лермонтов, Достоевский, поэты Серебряного века и многие другие. Интересно то, что для петербургской «укорененности» не столь значим факт рождения на этой земле. Главное для писателя — постичь суть города, суметь отразить его сверхэмпирическое начало. В этом метафизическом осмыслении Санкт-Петербурга формируется и особый, признанный уже повсеместно, «петербургский» тип человека, а за ним и персонажа, героя, образа. Так появляется своеобразный «петербургский текст» русской литературы.

Петербургская литература нашего времени активно развивается в разнообразных направлениях (психологический реализм, мистический или мифологический реализм, женская проза, метамодернизм; см. об этом: [Нужная, 2021] и др.) и жанровых формах (философский и интеллекту-

альный роман, различные формы фантастической литературы, социальная сатира, роман-гротеск, роман-пастиш и др.). Союз писателей Санкт-Петербурга, входящий в состав Союза писателей России, является достойным преемником предшествующей эпохи. Петербургские писатели чутко отзываются на социальные изменения и предлагают читателю яркие произведения, привлекающие свою аудиторию.

Рубеж веков является переломной эпохой, отражающей изменения в культурной и литературной жизни общества. Современная петербургская литература как наследница Серебряного века обладает той же неповторимой оригинальностью, углубленным психологизмом, реалистичностью с легким налетом фантастики и в тоже время мифологичностью. Период перестройки конца 80-х — начала 90-х, когда читатель предпочитал простую, развлекательную, незамысловатую прозу, быстро закончился. Произошел возврат к социальной роли литературы, поскольку ее познавательная или когнитивная функция всегда отличали русскую прозу.

В поэтике петербургской прозы можно выделить традиционные мотивы (классификация предложена Т. К. Ермоченко): мотив двоевластия природы и культуры, апокалипсический мотив, мотив миражности, мотив столкновения «властелина судьбы» и «маленького человека», мотив братства, мотив проникновения реалий петровского времени в современность, мотив взаимодействия Европы и Азии, а также некоторые обновленные мотивы, характерные для начала нового тысячелетия: мотив оживающего изображения, мотив двойничества и мотив противостояния божественного и животного начал в человеке [Ермоченко, 2008]. Эти мотивы реализуются в различных жанровых формах, где чаще всего преобладает роман, реже рассказ или повесть.

К «петербургскому тексту» можно отнести и роман современного петербургского писателя С. Арно «Доктор Рюйш и его дети», что доказывает выявленным идейным и художественным своеобразием данного текста.

3.2. Идейное своеобразие романа «Доктор Рюйш и его дети»

Действие романа происходит в двух разноплановых реальностях: в наше время в Петербурге в доме современного писателя Сергея и в конце XVII века в Амстердаме в доме известного врача-анатома Фредерика Рюйша. Писатель Сергей работает над романом об ученом-анатоме докторе Рюйше, который прославился тем, что изобрел уникальное средство балъзамирования, позволяющее сохранять мертвые тела в неизменном виде. Такой сюжетообразующий прием имеет название *мизанабим* (фр. *mise en abyme*) — принцип «матрешки» или рассказ в рассказе. Термин восходит к средневековой геральдике, где внутри большого герба изображали маленький герб (*abyme*). Этот прием широко использовался в живописи того вре-

мени: например, на картине в зеркальном отражении изображены объекты, которые являются центральными на большом полотне («Менины» Д. Веласкеса, «Портрет четы Арнольфини» Я. ван Эйка и др.). Так возникает эффект рекурсии — уменьшающейся перспективы изображаемого объекта.

В наше время в кино и литературе *мизанабим* стал обобщенно пониматься как изображение объекта внутри объекта: роман в романе, фильм в фильме, сон во сне и т. п. Примеры использования этого приема можно найти во многих европейских и русских художественных произведениях: «Декамерон» Боккаччо, «Дон Кихот» Сервантеса, сборник арабских сказок «Тысяча и одна ночь», повести Гоголя, «Отрочество» Л. Толстого, «Мастер и Маргарита» М. А. Булгакова, «Петербург» А. Белого и др. В современном кинематографе возможность построить многоуровневые конструкции посредством мизанабима привлекает внимание художников в направлении артхаус. В литературе термин *мизанабим* впервые употребил в начале XX века французский писатель Андре Жид. В отечественном литературоведении синонимом для термина *мизанабим* выступают термины *геральдическая конструкция* и *редупликация*. В последние годы названный прием соотносится с поэтикой метапрозы (такие произведения встречаются в современной европейской литературе, например роман Г. Мюссо «Бумажная девушка») [Нужная и др., 2023]. Так, мизанабим — прием, способствующий новому текстопостроению и смыслопорождению.

В романе «Доктор Рюйш и его дети» С. Арно опирается именно на данный прием — мизанабим: главный герой пишет роман о таинственных событиях, происходящих в XVII веке в Амстердаме, и в то же время в его окружении случаются загадочные происшествия. С одной стороны, непосредственно в фабуле романа эти события никак не соприкасаются, с другой стороны, чувствуется некоторое мистическое взаимовлияние двух сюжетных линий. Сам автор-повествователь говорит о взаимосвязи своего творческого процесса с реальными внешними событиями: «Обычно, когда роман уже подходит к концу, случаются какие-нибудь неожиданные и неприятные происшествия» [Арно, 2023, с. 397]. Еще более необычный поворот сюжета романа приобретает тогда, когда в реальную жизнь рассказчика врываются отголоски событий из его написанного романа: в папке бухгалтера одной фирмы — Татьяны Владимировны — находятся документы о продаже / покупке тел погибших людей, ровно так же, как герой параллельной сюжетной линии — доктор Рюйш — покупал в XVII веке тела казненных для последующего изготовления своих экспонатов. Автор-рассказчик не менее чем читатель, находится в полном недоумении: «Я пребывал в каком-то абсурде. <...> Куда же я влип?! Я оказывался героем собственного романа, а это уже бред... Это галлюцинация! Этого не может

быть!» [Арно, 2023, с. 403]. Вот именно здесь, в концовке произведения, и пересекаются две повествовательные линии: «средневековая амстердамская» и «современная петербургская», причем последняя оказывается розыгрышем влюбленной девушки. Такой замысловатый и оригинальный принцип сюжетосложения держит читателя в напряжении до конца текста.

Интересна фигура нарратора в романе «Доктор Рюйш и его дети»: автор-рассказчик, он же — писатель Сергей, говорит о своих книгах и не без самоиронии дает себе оценочную характеристику: «Да если с пристрастием почитать мои книжки, то сложится впечатление, что для меня растлить малолетку — обычное дело» [Арно, 2023, с. 279]. Такой прием выводит текст романа на уровень метатекста, поскольку читатель тут же отсылается к предыдущим произведениям настоящего писателя Сергея Арно («Живодерня», «Квадрат для покойников», «День всех влюбленных»). Несмотря на полную реалистичность и достоверность образа творческого человека с нарратором, как с настоящим писателем, часто происходят необычные события: странные регулярные телефонные звонки, во время которых неизвестный голос ругает писателя непонятно за что (эта тайна так и не раскрывается в романе), подозрительная слежка, покушение, таинственное исчезновение соседки и появление молодой девушки в его квартире, а иногда писателя посещают видения, в которых он вновь чувствует себя молодым и встречается со своим погибшим другом.

Автор романа поднимает общечеловеческие вопросы о ценности жизни, познании, творчестве, стремлении каждого постичь тайну бытия, вложив их в уста своего героя, а импульсом к таким размышлениям становится встреча с молодой девушкой-соседкой Мариной. Пусть история этой девушки была лишь розыгрышем, она вернула писателю то, о чем он когда-то мечтал, но забыл: «...она напомнила мне о Тайне, к которой я стремился в юности. И это дает мне возможность начать жизнь с чистого листа» [Арно, 2023, с. 422]. Слова, а главное, вопросы юной девушки часто становятся для писателя поводом задуматься о чем-то, понять или вспомнить то, что осталось в прошлом. Да и само ее присутствие приносит писателю творческое вдохновение: «Как только эта девушка появилась у меня в квартире, роман пошел на удивление хорошо» [Арно, 2023, с. 300]. Таким образом, в системе персонажей романа роль Марины чрезвычайно важна, но ее образ загадочен и неоднозначен. Девушка задумывает и реализует сложный сценарий розыгрыша соседа-писателя, руководствуясь собственным чувством влюбленности и отъездом мамы в пансионат, но история ее чувств не раскрывается. Марина действует как типичная обольстительница: устраивает ужин при свечах, облачаясь в соблазнительные наряды, изображая слабость и беспомощность. Однако при этом она не выглядит

малообразованной, недалекой девушкой. Девушка много читает, размышляет о жизненных ценностях и имеет необычное хобби: она собирает последние слова людей: «Вот в этой тетрадке собрано около тысячи последних слов умирающих <...> Когда-нибудь я соберу книгу и издам ее под названием «Последние слова»» [Арно, 2023, с. 292]. Таким необычным образом переплетаются интересы главных персонажей в повествовательной «петербургской линии», и протягивается связующая нить со второй «амстердамской линией»: доктор Рюйш сохраняет тела умерших методом балъзамирования, а Марина — последние слова покидающих этот свет.

Не менее ярким идейным своеобразием обладает и параллельная повествовательная линия, связанная с доктором Рюйшем. Фабула построена на истории об открытии средневековым анатомом специального состава балъзамирования тел и желании Петра I заполучить этот секретный состав. В основе сюжета лежит достоверная история поездки российского царя в Голландию и покупки коллекции доктора Рюйша. Именно коллекция забалъзамированных экспонатов легла в основу одного из интереснейших музеев Петербурга — Кунсткамеры, которая была открыта Петром Великим в 1714 году. Коллекция анатомических препаратов была приобретена Петром в 1717 году и до сих пор хранится в Кунсткамере с каталогом-описанием самого Фредерика Рюйша: «...почти все, что входило в первые 10 каталогов Рюйша, было куплено за 30 000 золотых гульденов и доставлено в Россию» [Экспозиции ...].

Искусство балъзамирования в романе С. Арно является метафорой бессмертия, подсознательной защитой от страха смерти, страха быть забытым, исчезнуть, раствориться. Однако именно страх быть забалъзамированным, то есть не погребенным по христианским традициям, а выставленным на показ экспонатом, был одним из самых ужасных в эпоху доктора Рюйша. Здесь вспоминается романтическая баллада Роберта Саути «Предостережение хирурга» (1798), в которой умирающий хирург, купавший и вскрывавший для изучения мертвые тела, страшно боится сам стать таким экспонатом для своих учеников и просит после смерти заключить его тело в свинцовый гроб:

За мной придут мои ученики
И кость отделят мне от кости;
Я, разорвавший дома мертвецов,
Не успокоюсь на погосте (пер. Н. Гумилева)
[Эолова арфа: Антология баллады]

Именно такой страшной участи — быть забалъзамированными — боится грабители, влезшие в дом доктора Рюйша в надежде украсть записи его секрета.

Седьмая глава романа называется «Бессмертие смерти». Доктору Рюйшу удалось достичь желаемых результатов: «И однажды вечность открыла ему свою Тайну. Фредерик Рюйш изобрел способ, при котором забальзамированные им тела детей и взрослых выглядели как живые» [Арно, 2023, с. 313]. Что интересно: желание остаться в вечности, быть признанным и известным характерно для главного персонажа «петербургской линии» писателя Сергея, о чем он сам неоднократно говорит, но реализуется это желание в трудах главного героя «амстердамской линии» — доктора Рюйша. Таким образом, работая над романом об известном анатоме, писатель-рассказчик опосредованно соприкасается с этой желанной вечностью.

Авторское определение искусства бальзамирования — «*рюйшевское искусство*» — подчеркивает идею «бессмертия смерти» не только через упоминание практики сохранения останков физического тела, но и через отсылку к искусству как высшей культурной форме. Ученый-анатом составлял из своих экспонатов замысловатые инсталляции, украшая и располагая тела в определенном порядке, создавая «скульптурные» композиции, которые должны были производить высокое эстетическое впечатление на зрителей: «...мертвый ребенок, играющий на скрипке с веночком на голове», «два скелетика братьев-близнецов, семимесячных плодов, сидят в душераздирающе трогательных позах у гроба третьего братишки» [Там же, с. 315]. Сам доктор Рюйш называл такие композиции анатомо-поэтическими. Действительно, экспозиции ученого навеяли немало поэтических образов писателям и поэтам того времени, посетившим дом анатома.

Примечательно название романа: «Доктор Рюйш и его дети». Образ ребенка как продолжателя рода сам по себе символизирует бессмертие, — и тем поразительней история детей ученого, которые с малолетнего возраста помогают отцу в его ужасающе-завораживающих экспериментах. Дочери Рюйша — Рахиль — на тот момент было 9 лет, сыну Генриху — 11: «Дети были руками и глазами Фредерика Рюйша, он был головой» [Там же, с. 317]. Автор не акцентирует внимание на детских образах, не создает их психологические портреты, но мимолетные штрихи портретных характеристик вполне позволяют читателю представить себе детей ученого-анатома. Рахиль, например, имела определенный эстетический вкус, сама составляла некоторые композиции. Генрих хорошо рисовал, но ему не хватало усидчивости. В духе черного юмора автором высказывается мысль о том, что таким образом Рюйш давал детям возможность развивать творческие способности и даже обдумывал идею создания детского кружка, чтобы соседские ребятишки могли заниматься подобным творчеством. Ярko и жизнерадостно звучат в романе диалоги отца со своими детьми, в которых обсуждаются новые поступившие после казни трупы, их физио-

логические особенности и возможности использования для новых композиции. С. Арно как бы невзначай поднимает интереснейшую тему — способность детской психики адаптироваться к восприятию окружающей действительности. Как известно, отношение к смерти меняется по мере взросления. Детям скорее свойственно постижение животного мира через эксперимент, иногда через разрушение, а не созидание. Именно поэтому столь завораживающе описываются композиции из забальзамированных тел, выполненные руками детей доктора Рюйша. Рахиль и Генрих в силу своего детского любопытства и жизнерадостности на все смотрели с интересом: «Удовольствие несла не только жизнь, но и смерть, с которой они встречались каждый день и к которой привыкли» [Арно, 2023, с. 341].

Десакрализация смерти происходит через противоположное явление — сакрализацию сохранения человеческой плоти. Любовь к своему делу и страстное желание добиться максимально лучших результатов ввергают доктора Рюйша в глубокий страх. Он страшно боится, что секрет его препарата украдут, тогда любой анатом сможет добиться идеального сохранения мертвой плоти. Он боится, что его коллекция, которую он составлял долгие годы, может сгореть (пожары случались достаточно часто в то время). Он и думать не может о продаже своей коллекции. Для него его экспонаты были живыми: в минуты особой тревоги он поднимался на второй этаж и бродил по комнатам, разговаривая со своими мертвецами, как с живыми, «...ведь именно он, Фредерик Рюйш, бросив вызов тлению, дал этим существам новую жизнь» [Там же, с. 338].

Еще одним значимым идейным элементом романа становится тема «города уродов», «города дураков». Речь идет о необычайном увлечении российского царя всевозможными природными и человеческими аномалиями. После своих европейских путешествий Петр I увлекся медициной и стоматологией: он посещал операции и вскрытия в госпиталях и сам пробовал проводить некоторые хирургические манипуляции. Еще больше Петр I заинтересовался аномалиями развития человека, когда инкогнито посетил Голландию и посмотрел коллекцию анатома Фредерика Рюйша.

Главной страстью доктора Рюйша было бальзамирование трупов с аномалиями развития, он даже пытался выяснить, «что нужно: подрезать или проколоть, чтобы родился ребенок, непохожий на всех?» [Арно, 2023, с. 344]: «...он искал этот секрет в их внутренности и во внутренностях здоровых, рождавших монстров людей» [Там же]. Напомним, что и у Петра I была идея женить придворных карликов и великанов для продолжения рода. Такой интерес к необычным людям существовал в то время во всем мире.

В 1704 году российский царь издал указ о том, чтобы в столицу — в Петербург — со всей страны везли «монстров». Прибывавших селили и

давали работу при Кунсткамере, они выступали и в качестве живых экспонатов. Так Кунсткамера стала своего рода маленьким «городом» в городе, «городом уродцев», где жителей кормили, поили и обеспечивали работой. Возможно, тогда-то и родилась легенда о городе, где каждый необычно выглядящий человек будет чувствовать себя нормальным, где аномалии будут реальностью, а нормальность — необычностью. Мечту о таком городе и описывает автор романа, задавая читателю провокационный риторический вопрос: «А кто вообще сказал, что то, как выглядит большинство людей, есть правильный вид человека? Может быть, это и есть брак, возмнивший себя правильным?» [Арно, 2023, с. 298].

Именно в этом отрывке романа находится тот самый «петербургский текст», здесь можно выявить специфику авторского отношения к городу, скрытую, но от того не менее страстную любовь к этому городу — городу монстров, городу счастья, мрачному и величественному загадочному городу со своей душой: «Ведь Петру удалось вложить в него то, чего нет у других европейских городов, — душу. Душу уродливую, душу иную» [Арно, 2023, с. 394]. Роман «Доктор Рюйш и его дети» входит в сборник под названием «Иное измерение», в котором каждый текст так или иначе затрагивает петербургскую тему. Однако именно в этом романе историческая основа демонстрирует глубокое авторское понимание и осмысление петербургской тематики. В заключительной главе автор не без иронии замечает, что только здесь, в городе сотен дворцов, мостов и парков, в красивейшем городе, построенном на болоте под тяжелым вечно пасмурным небом, души умерших монстров обретают покой. Все эти души попадают именно сюда, и «только благодаря монстрам стоит Петербург уже триста лет в месте пропащем, гиблом, неживом» [Там же, с. 421].

Текст романа обрамляется достоверной исторической канвой, однако авторское воображение С. Арно расцвечивает эту историю, наполняя ее необычными деталями, сюжетными поворотами, детективными разветвлениями и мистическими элементами. Так, в «петербургской» сюжетной линии основная интрига разворачивается вокруг истории продажи секрета бальзамирования доктора Рюйша. Свою методику доктор никому не раскрывал, но существует легенда, что его слуга Гуго тайно продал этот секрет Петру I с просьбой сохранить тайну до кончины ученого. Сохраняя интригу практически до конца произведения, автор романа все же констатирует, что «хитрый Гуго надул российского царя, продав ему известный всем способ консервации трупов, а не бальзамирования» [Там же, с. 395]. Это исторически верно, так как секрет методики анатома не открыт до сих пор, хотя сейчас можно установить, какие вещества он использовал [Радзюн, 2024].

3.3. Способы создания комического в романе «Доктор Рюйш и его дети»

Анализ художественного своеобразия романа С. Арно «Доктор Рюйш и его дети» позволяет предположить, что основными приемами являются черный юмор, абсурд, сатира и гротеск. Чудовищно гротескно выглядит описание коллекции доктора Рюйша, где особое внимание уделялось детским экспонатам: «Человеческие эмбрионы в подобных композициях украшались сухими цветочками, крошечными свечками, бисерными браслетиками, колье и поясками» [Арно, 2023, с. 315]. При этом автор-рассказчик, ссылаясь на описания современников Рюйша, видевших эту коллекцию, повествует о выставках совершенно бесстрастно, отстраненно и безэмоционально, что создает эффект полной достоверности повествования. Авторская отсылка к историческому факту, что доктор Рюйш сам снабжал свои экспонаты поэтическими надписями на латинском языке, усиливает эффект художественного приема «черного юмора». Такой прием максимально погружает читателя в страшную атмосферу анатомической реальности XVII века.

Контраст между темой и формой ее выражения — отличительная черта черного юмора. Таким примером в романе С. Арно может служить намеренное употребление уменьшительно-ласкательных суффиксов при описании человеческих останков, что образно нивелирует сакральное отношение к смерти: «Только чувствительные детские пальчики могли составить крохотный экспонат, прикрепить малепусенькую берцовую косточку к тазобедренной, составить косточки позвоночника и, если что-нибудь вдруг сломается в непрочном препарате, аккуратненько починить» [Там же, с. 317]. Автор описывает прием сохранения человеческих останков как величайшее искусство, а систему кровеносных сосудов в различных органах сравнивает с природными живыми и неживыми объектами (дерево, змея, гнездо и т. п.). Устами своих героев автор романа не высказывает циничных суждений на табуированные темы (болезнь, смерть, насилие), скорее сам сюжет (основанный на исторических реалиях) предопределяет выбор определенных средств словесной выразительности.

Использование элементов черного юмора в произведении призвано создавать неожиданный комический эффект. В романе С. Арно такой эффект чаще встречается в «петербургской линии», несмотря на то, что «амстердамская линия» больше насыщена действительно страшными деталями и анатомическими подробностями. Комически пугающей в «петербургской линии» представляется история телефонных звонков неизвестного субъекта писателю Сергею, во время которых звонивший произносил всевозможные ругательства в адрес писателя, никак не объясняя своего поступка. Этот факт в совокупности с возможным, но непонятным пре-

следованием и автомобильным нападением создает ощущение нагнетания напряжения вокруг главного героя романа. Произведенный такими приемами эффект пробуждает у читателя воображение.

«Основными характеристиками литературных произведений с использованием черного юмора являются сочетание юмора и страха, поиск порядка в беспорядке, стремление к игровой манере повествования» [Гао Юй, 2022, с. 460]. Все эти характеристики ярко представлены в романе С. Арно. Когда в квартиру писателя среди ночи вдруг приходит Марина — дочка соседки — с рассказом о том, что похитили ее мать, герой как будто бы и не удивляется, поскольку подсознательно был готов к непредвиденному развитию событий в своей жизни. Именно после этих заявлений здравомыслящий и рассудительный герой начинает методично разбираться в необычных, запутанных и довольно мистических обстоятельствах пропажи своей соседки.

Комичными элементами абсурда в романе представляются эпизоды, когда «похитители» — Шнур и Леонтьев — известные современные исполнители песен — нападают на писателя (причем в романе так и не проявляется настоящие ли это известные певцы или лица, очень на них похожие) и когда Марина в своей квартире показывает Сергею потайную комнату, в которой «живет барабашка». Как и в случае использования приема черного юмора, прием абсурда вводится в повествование простым будничным языком, создавая максимальный эффект реальности происходящего.

Само несоответствие жизненной ситуации (похищение матери) и поведения Марины (спокойное пребывание в квартире писателя, приготовление завтраков и ужинов, интерес к творчеству Сергея) предопределяет некую игровую основу дальнейшей повествовательной линии. Читатель «чувствует подвох», но, не в силах разгадать этот детективный сюжет, остается в напряжении до конца повествования.

Немало в «петербургской линии» и элементов гротеска. Одним из признаков гротеска является сочетание несочетаемого: высокого и низкого. Комично выглядит авторское сравнение творческого процесса создания художественного произведения с кулинарным процессом приготовления холодца: «...мозг работает как бы отдельно от тебя, и страшно только расплескать этот слабенький бульончик из мыслей, пену всю снять вовремя лишнюю, следить, чтобы не перекипел, чтобы на медленном огоньке томился под крышечкой...» [Арно, 2023, с. 301]. Не менее значимым признаком гротеска является социальная сатира, направленная на высмеивание определенных пороков общества. Таких примеров можно больше найти в «амстердамской линии» романа. А в «петербургской линии» встречается немало примеров авторской самоиронии. Это и легкая насмешка над собственными романами: «...со мной теща две недели не разговаривала,

прочитав “Квадрат для покойников”...» [Там же, с. 279], —и даже авторский сарказм: мысленное забивание героем несуществующего осинового колышка себе в грудь [Там же, с. 397].

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, современная петербургская литература гармонично развивается, достойно продолжая традиции великих предшественников. Она наполняется новыми сюжетами, персонажами и образами, не пренебрегая обращением к историческим реалиям. Можно с уверенностью сказать, что «петербургский текст» продолжает свое существование в творчестве петербургских писателей XXI века, одним из которых является С. И. Арно.

Идейное своеобразие романа С. Арно «Доктор Рюйш и его дети» заключается в использовании оригинального сюжетобразующего приема — мизанабима; выделении двух повествовательных линий — «петербургской» и «амстердамской»; во введении образа-нарратора — писателя Сергея, транслирующего авторский взгляд на самые актуальные этические проблемы современности; в обращении к ярчайшему петербургскому историческому сюжету (основанию Кунсткамеры) и загадочной голландской истории жизни ученого-анатома Фредерика Рюйша.

Роман «Доктор Рюйш и его дети» обладает ярко выраженным художественным своеобразием за счет использования многочисленных комических приемов: черный юмор, абсурд, сатира и гротеск. История доктора Рюйша вдохновляла писателей во все времена, но такое сочетание художественного вымысла с современной реальностью XXI века привносит в литературу новое видение истории, оригинальный подход к сюжетным мотивировкам и новую художественную ценность.

Крайне интересными представляются перспективы дальнейшего исследования: это и выявление поэтики отдельного авторского текста на примерах конкретных произведений, позволяющих глубже понять литературный процесс нашего времени; и продолжение исследования «петербургского текста», то есть творчества современных петербургских писателей; и определение магистральных направлений развития современной русской литературы.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declares no conflicts of interests.
---	--

Источники и принятые сокращения

1. Арно С. И. Иное измерение / С. И. Арно. — Санкт-Петербург : Фонд братьев Стругацких по оказанию поддержки премии Аркадия и Бориса Стругацких [АБС-премии] и современной фантастической литературе, 2023. — 484 с. — ISBN 978-5-6049373-8-9.

2. Голубков М. М. Русская литература XX века : После раскола / М. М. Голубков. — Москва : Аспект Пресс, 2001. — 267 с. — ISBN 5-7567-0155-9.
3. Кавторин В. О новой петербургской прозе / В. Кавторин // Нева. — 2009. — № 11. — С. 211—218.
4. Щеглова Е. П. Гоголя на десерт, пожалуйста! Сергей Арно / Е. П. Щеглова // Вопросы литературы. — 2025. — № 1. — С. 94—107. — DOI: 10.31425/0042-8795-2025-1-94-107.
5. Экспозиции и коллекции Кунсткамеры [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://www.kunstkamera.ru/exposition/kunst_hist/5/5_2/ (дата обращения 21.10.2025).
6. Эолова арфа : Антология баллады / Сост., предисл., коммент. А. А. Гугнина. — Москва : Высш. шк., 1989. — 671 с.

Литература

1. Анциферов Н. Душа Петербурга / Н. Анциферова. — Ленинград : Агентство «Лира», 1990. — 249 с. — ISBN 5-08-000106-2.
2. Арутюнова Н. Д. Теория метафоры : сборник / Н. Д. Арутюнова ; пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. — Москва : Прогресс, 1990. — 512 с. — ISBN 5-01-001599-4.
3. Арутюнова Н. Д. Семиотические концепты. Образ / Н. Д. Арутюнова // Язык и мир человека. — Москва : Языки русской культуры, 1999. — С. 32.
4. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике / М. М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. — Москва : Художественная литература, 1975. — С. 234—407.
5. Гао Юй. Дети как объект черного юмора в прозе Даниила Хармса / Гао Юй // Мир науки, культуры, образования. — 2022. — № 6 (97). — С. 460—463.
6. Ермоченко Т. К. Поэтика новой петербургской прозы конца XX — начала XXI веков : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Т. К. Ермоченко. — Брянск, 2008. — 237 с.
7. Жаднова Е. Н. Современные подходы к изучению проблемы петербургского текста русской литературы / Е. Н. Жаднова // Известия Саратовского университета. Нов. серия. Сер. Филология. Журналистика. — 2013. — Т. 13. — Выпуск 4. — С. 70—74.
8. Лотман Ю. О семиосфере / Ю. Лотман. — Тарту : Учен. зап. Тарт. гос. ун-та, 1984. — Выпуск 641. — С. 5—23.
9. Муравьева Л. Е. Mise en abyme and text-within-a-text / Л. Е. Муравьева // Новый филологический вестник. — 2016. — № 2 (37). — С. 42—52.
10. Нужная Т. В. Модернистские тенденции в романах «Осень» Али Смит и «Парадокс близнецов» Светланы Еремеевой / Т. В. Нужная // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Серия 2. Искусствоведение. Филологические науки. — 2021. — № 2. — С. 76—80. — DOI: 10.46418/2079-8202_2021_2_12.
11. Нужная Т. В. Мистический реализм в современной петербургской прозе : роман-гротеск С. Арно «Дом Гаргалезиса» / Т. В. Нужная // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2025. — Т. 18. — Выпуск 8. — С. 3489—3495. — DOI: 10.30853/phil20250481.
12. Радзюн А. Б. Новый взгляд на старую коллекцию / А. Б. Радзюн // Кунсткамера. — 2024. — № 4 (26). — С. 80—95. — DOI: 10.31250/2618-8619-2024-4(26)-80-95.
13. Рогова К. А. О «петербургском тексте» в современной художественной литературе / К. А. Рогова // Мир русского слова. — 2013. — № 1. — С. 77—85.

14. Сунко Ю. Н. Экзистенциальное содержание петербургской прозы конца XX века : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Ю. Н. Сунко. — Ставрополь, 2006. — 224 с.

15. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического : Избранное / В. Н. Топоров. — Москва : Издательская группа «Прогресс» — «Культура», 1995. — 624 с. — ISBN 5-01-003942-7.

16. Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы : Избранные труды / В. Н. Топоров. — Санкт-Петербург : «Искусство-СПб», 2003. — 616 с. — ISBN 5210015459.

17. Barthes R. Mythologies / R. Barthes // Oeuvres complètes. — Paris : Seuil. — 2002. — Т. 1. — Pp. 671—871.

Статья поступила в редакцию 15.08.2025,
одобрена после рецензирования 02.12.2025,
подготовлена к публикации 20.01.2026.

Material resources

Arno, S. I. (2023). *Another dimension*. St. Petersburg: Strugatsky Brothers Foundation for Supporting the Arkady and Boris Strugatsky Prize [ABS-prize] and Modern Fantasy Literature. 484 p. ISBN 978-5-6049373-8-9. (In Russ.).

Expositions and collections of the Kunstkamera. Available at: https://www.kunstkamera.ru/exposition/kunst_hist/5/5_2/ (accessed 21.10.2025). (In Russ.).

Golubkov, M. M. (2001). *Russian literature of the twentieth century: After the Split*. Moscow: Aspect Press. 267 p. ISBN 5-7567-0155-9. (In Russ.).

Kavtorin, V. (2009). About the new Petersburg prose. *Neva*, 11: 211—218. (In Russ.).

Shcheglova, E. P. (2025). Gogol for dessert, please! Sergey Arno. *Questions of literature*, 1: 94—107. DOI: 10.31425/0042-8795-2025-1-94-107. (In Russ.).

The Aeolian Harp: An Anthology of Ballads. (1989). Moscow: Higher School. 671 p. (In Russ.).

References

Antsiferov, N. (1990). *The Soul of Petersburg*. Leningrad: Agency “Lira”. 249 p. ISBN 5-08-000106-2. (In Russ.).

Arutyunova, N. D. (1990). *Theory of metaphor: collection*. Moscow: Progress. 512 p. ISBN 5-01-001599-4. (In Russ.).

Arutyunova, N. D. (1999). Semiotic concepts. Image. In: *Language and the human world*. Moscow: Languages of Russian Culture. P. 32. (In Russ.).

Bakhtin, M. M. (1975). The forms of time and chronotope in the novel. Essays on historical poetics. In: *Questions of literature and aesthetics*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. 234—407. (In Russ.).

Barthes, R. (2002). Mythologies. In: *Oeuvres complètes*, 1. Paris: Seuil. 671—871.

Ermochenko, T. K. (2008). *Poetics of new Petersburg prose of the late XX — early XXI centuries*. PhD Diss. Bryansk. 237 p. (In Russ.).

Gao Yu. (2022). Children as an object of black humor in the prose of Daniil Kharms. *The world of science, Culture, and Education*, 6 (97): 460—463. (In Russ.).

Lotman, Yu. (1984). *About the semiosphere*, 641. Tartu: Scientific Journal. Tart. State University. 5—23. (In Russ.).

- Muravyeva, L. E. (2016). Mise en abyme and text-within-a-text. *New Philological Bulletin*, 2 (37): 42—52. (In Russ.).
- Nuzhnaya, T. V. (2021). Metamodern tendencies in the novels “Autumn” by Ali Smith and “The Twin Paradox” by Svetlana Yermeyeva. *Bulletin of the St. Petersburg State University of Technology and Design. Series 2. Art history. Philological sciences*, 2: 76—80. DOI: 10.46418/2079-8202_2021_2_12. (In Russ.).
- Nuzhnaya, T. V. (2025). Mystical realism in modern Petersburg prose: S. Arnault’s Grotesque novel “The House of Gargalesis”. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 18 (8): 3489—3495. DOI: 10.30853/phil20250481. (In Russ.).
- Radzyun, A. B. (2024). A new look at the old collection. *Kunstkamera*, 4 (26): 80—95. DOI: 10.31250/2618-8619-2024-4(26)-80-95. (In Russ.).
- Rogova, K. A. (2013). On the “Petersburg text” in modern fiction. *The world of the Russian word*, 1: 77—85. (In Russ.).
- Sipko, Yu. N. (2006). *The existential content of St. Petersburg prose of the end of the XX century*. PhD Diss. Stavropol. 224 p. (In Russ.).
- Toporov, V. N. (1995). *The Myth. The ritual. Symbol. Image: Studies in the field of the Mythopoeic: Selected Works*. Moscow: Progress Publishing Group — Kultura. 624 p. ISBN 5-01-003942-7. (In Russ.).
- Toporov, V. N. (2003). *The Petersburg text of Russian Literature: Selected Works*. Saint Petersburg: Iskustvo-SPB. 616 p. ISBN 5210015459. (In Russ.).
- Zhadnova, E. N. (2013). Modern approaches to the study of the problem of the St. Petersburg text of Russian literature. *Proceedings of the Saratov University. New. series. Ser. Philology. Journalism*, 13 (4): 70—74. (In Russ.).

*The article was submitted 15.08.2025;
approved after reviewing 02.12.2025;
accepted for publication 20.01.2026.*